

В степи

Мы вышли из Перекопа в самом сквернейшем настроении духа голодные, как волки, и злые на весь мир. В продолжение половины суток мы безуспешно употребляли в дело все наши таланты и усилия для того, чтобы украсть или заработать что-нибудь, и, когда убедились наконец, что ни то, ни другое нам не удастся, решили идти дальше. Куда? Вообще дальше.

Мы готовы были пойти и во всех отношениях дальше по той жизненной тропе, по которой давно уже шли, это было молча решено каждым из нас и ясно сверкало в угрюмом блеске наших голодных глаз.

Нас трое; мы все недавно познакомились, столкнувшись друг с другом в Херсоне, в кабачке на берегу Днепра.

Один солдат железнодорожного батальона, потом якобы дорожный мастер, рыжий и мускулистый человек, с холодными, серыми глазами; он умел говорить по-немецки и обладал очень подробным знанием тюремной жизни. Наш брат не любит много говорить о своем прошлом, всегда имея на это более или менее основательные причины, и потому все мы верили друг другу по крайней мере наружно верили, ибо внутренне каждый из нас и сам-то себе плохо верил.

Когда второй наш товарищ, сухонький и маленький человечек с тонкими губами, всегда скептически поджатыми, говорил о себе, что он бывший студент Московского университета, я и солдат принимали это за факт. В сущности, нам было решительно все равно, был ли он когда-то студентом, сыщиком или вором, важно было лишь то, что в момент нашего знакомства он был равен нам: голодал, пользовался особым вниманием полиции в городах и подозрительным отношением мужиков в деревнях, ненавидел и ту и других ненавистью загнанного, голодного зверя, мечтал об универсальной мести всем и всему, одним словом, и по своему положению среди царей природы и владык жизни, и по настроению был нашего поля ягода.

Третий был я. По скромности, со времен молодых ногтей моих присущей мне, я ни слова не скажу о моих достоинствах и, не желая показаться вам наивным, умолчу о своих недостатках. Но, пожалуй, в виде материала для моей характеристики, я скажу, что всегда считал себя лучше других и успешно продолжаю заниматься этим до сего дня.

Итак, мы вышли из Перекопа и шли дальше, имея в виду чабанов, у которых всегда можно попросить хлеба и которые очень редко отказывают в этом прохожим людям.

Я шел рядом с солдатом, студент шагал сзади нас. На плечах у него висело

нечто, напоминавшее пиджак; на голове острой, угловатой и гладко остриженной покоился остаток широкополой шляпы; серые брюки в разноцветных заплатках обтягивали его ножки, а к ступням он пристроил веревочками, свитыми из подкладки его костюма, найденное на дороге голенище сапога, назвал это сооружение сандалиями и шагал молча, поднимая много пыли и поблескивая зеленоватыми маленькими глазками. Солдат был одет в красную кумачовую рубаху, которую, по его словам, он собственноручно приобрел в Херсоне; сверх рубахи на нем был еще теплый ватный жилет; на голове, по воинскому уставу с заломом верхнего круга на правую бровь, надета была солдатская фуражка неопределенного цвета; на ногах болтались широкие чумацкие шаровары. Он был бос.

Я тоже был одет и бос.

Вокруг нас во все стороны богатырским размахом распростерлась степь и, покрытая синим знойным куполом безоблачного неба, лежала, как громадное, круглое, черное блюдо. Серая, пыльная дорога резала ее широкой полосой и жгла нам ноги. Местами попадались щетинистые полосы сжатого хлеба, имевшие странное сходство с давно не бритыми щеками солдата.

Солдат шел и пел сиповатым басом:

...И святое воскресение твое поем и хва-алим...

Во время своей службы он был чем-то вроде дьячка батальонной церкви, знал бесчисленное множество тропарей, ирмосов и кондаков, знанием которых и злоупотреблял каждый раз, когда беседа наша почему-либо не вязалась.

Впереди, на горизонте, росли какие-то фигуры мягких очертаний и ласковых оттенков от лилового до нежно-розового.

Очевидно, это и есть Крымские горы, сказал студент.

Горы? воскликнул солдат, больно рано, друг, увидел ты их. Это... облака.

Видишь, какие точно клюквенный кисель с молоком...

Я заметил, что было бы в высшей степени приятно, если бы облака и в самом деле состояли из киселя.

Ах, дьявол! выругался солдат, сплевывая. Хоть бы одна живая душа попалась!

Никого... Приходится, как медведям зимой, собственные лапы сосать...

Я говорил, что надо было к заселенным местам двигаться, поучительно заявил студент...

Ты говорил! возмутился солдат. На то ты и ученый, чтобы говорить. Какие тут заселенные места? Черт их знает, где они!

Студент замолчал, поджав губы. Солнце садилось, облака на горизонте играли разнообразными, неуловимыми словом красками. Пахло землей и солью.

И от этого сухого, вкусного запаха наши аппетиты еще более усиливались.

В желудках сосало. Это было странное и неприятное ощущение: казалось, что из всех мускулов тела соки медленно вытекают куда-то, испаряются, и

мускулы теряют свою живую гибкость. Ощущение колющей сухости наполняло полость рта и глотку, в голове мутилось, а перед глазами мелькали темные пятна. Иногда они принимали вид дымящихся кусков мяса, караваев хлеба; воспоминание снабжало эти виденья былого, виденья немые свойственными им запахами, и тогда в желудке точно нож повертывался. Мы все-таки шли, делясь друг с другом описанием наших ощущений, зорко посматривая по сторонам не видать ли где-либо отары овец, и слушая не раздастся ли резкий скрип арбы татарина, везущего фрукты на Армянский базар.

Но степь была пуста, безмолвна.

Накануне этого тяжелого дня мы втроем съели четыре фунта ржаного хлеба и штук пять арбузов, а прошли около сорока верст расход не по приходу! Заснув на базарной площади Перекопа, мы проснулись от голода.

Студент справедливо советовал нам не ложиться спать, а в течение ночи заняться... но в порядочном обществе не принято вслух говорить о проектах нарушения права собственности, я молчу. Я хочу быть только правдивым, не в моих интересах быть грубым. Я знаю, что люди становятся все мягче душой в наши высококультурные дни и даже, когда берут за глотку своего ближнего с явной целью удушить его, стараются сделать это с возможной любезностью и соблюдением всех приличий, уместных в данном случае. Опыт собственной моей глотки заставляет меня отметить этот прогресс нравов, и я с приятным чувством уверенности подтверждаю, что все развивается и совершенствуется на этом свете. В частности, этот замечательный процесс веско подтверждается ежегодным ростом тюрем, кабаков и домов терпимости...

Так, глотая голодную слюну и стараясь дружеской беседой подавить боли в желудках, мы шли пустынной, безмолвной степью, в красноватых лучах заката; пред нами солнце тихо опускалось в мягкие облака, щедро окрашенные его лучами, а сзади нас и с боков голубоватая мгла, поднимаясь со степи в небо, суживала неприветливые горизонты.

Собирайте, братцы, материал для костра, сказал солдат, поднимая с дороги какую-то чурбашку. Придется ночевать в степи роса! Кизяки, всякий прут все бери!

Мы разошлись по сторонам дороги, собирая сухой бурьян и все, что могло гореть. Каждый раз, когда приходилось наклоняться к земле, в теле возникало страстное желание упасть и есть землю, черную, жирную, много есть, есть до изнеможения, потом заснуть. Хоть навсегда заснуть, только бы есть, жевать и чувствовать, как теплая и густая кашица изо рта медленно опускается по ссохшемуся пищеводу в желудок, горящий от желания впитать в себя что-либо.

Хоть бы коренья какие-нибудь найти... вздохнул солдат. Есть этикие

съедобные корни...

Но в черной вспаханной земле не было никаких корней. Южная ночь наступала быстро, и еще не успел угаснуть последний луч солнца, как уже в темно-синем небе заблестели звезды, а вокруг нас все плотнее сливались тени, суживая бесконечную гладь степи...

Братцы, вполголоса сказал студент, там влево человек лежит...

Человек? усомнился солдат. А чего ему там лежать?

Иди и спроси. Наверное, у него есть хлеб, коли он расположился в степи.

Солдат посмотрел в сторону, где лежал человек, и решительно сплюнул.

Идем к нему!

Только зеленые, острые глаза студента могли разобрать, что темная куча, возвышавшаяся сажень в пятидесяти влево от дороги, человек. Мы шли к нему, быстро шагая по комьям пашни, и чувствовали, как зародившаяся в нас надежда на еду обостряет боли голода. Мы были уже близко человек не двигался.

А может, это не человек, угрюмо выразил солдат общую всем мысль.

Но наше сомнение рассеялось в тот же момент, ибо куча на земле вдруг зашевелилась, выросла, и мы увидели, что это самый настоящий, живой человек, он стоял на коленях, простирая к нам руку, и говорил глухим и дрожащим голосом:

Не подходи, застрелю!

В мутном воздухе раздался сухой, краткий щелчок. Мы остановились, как по команде, и несколько секунд молчали, ошеломленные нелюбезной встречей. Вот так мерзавец! выразительно пробормотал солдат.

Н-да, задумчиво сказал студент. С револьвером ходит... видно, икряная рыба...

Эй! крикнул солдат, очевидно решив что-то.

Человек, не изменяя позы, молчал.

Эй, ты! Мы не тронем тебя, дай нам только хлеба есть? Дай, брат, Христа ради!.. Будь ты, анафема, проклят!

Последние слова солдат произнес себе в усы.

Человек молчал.

Слышишь? с дрожью злобы и отчаяния снова заговорил солдат. Дай, мол, хлеба! Мы не подойдем к тебе... брось нам его...

Ладно, кратко сказал человек.

Он мог бы сказать нам дорогие братья мои! и, если б он влил в эти три слова все самые святые и чистые чувства, они не возбудили бы нас так и не очеловечили бы настолько, как это глухое краткое ладно!

Ты не бойся нас, добрый человек, мягко улыбаясь, заговорил солдат, хотя человек не мог видеть его улыбки, ибо был отделен от нас расстоянием по крайней мере в двадцать шагов.

Мы люди смирные, идем из России в Кубань... подшиблись деньгой в дороге, все с себя проели, а теперь вот уж вторые сутки не жрамши...

Держи! сказал добрый человек, взмахнув рукой в воздухе. Черный кусок мелькнул и упал неподалеку от нас на пашню. Студент бросился за ним. Еще держи! Больше нет...

Когда студент собрал эту оригинальную подачку, оказалось, что мы имеем фунта четыре пшеничного черствого хлеба. Он был вывален в земле и очень черств. Черствый хлеб сытнее мягкого: в нем меньше влаги.

Так... и так... и так! сосредоточенно распределял солдат куски. Стой... не ровно! У тебя, ученый, надо ущипнуть кусочек, а то ему мало...

Студент беспрекословно подчинился утрате кусочка хлеба золотников в пять весом; я получил его, положил в рот.

И стал жевать, медленно жевать, едва сдерживая судорожное движение челюстей, готовых искрошить камень. Мне доставляло острое наслаждение чувствовать судороги пищевода и понемножку, капельками удовлетворять его. Глоток за глотком, теплые, неописуемо вкусные, проникали в желудок и, казалось, тотчас же превращались в кровь и мозг. Радость, такая странная, тихая и оживляющая радость, грела сердце по мере того, как наполнялся желудок. Я позабыл о проклятых днях хронического голода, позабыл о моих товарищах, погруженный в наслаждение ощущениями, которые я переживал. Но когда я сбросил с ладони в рот последние крошки хлеба, то почувствовал, что смертельно хочу есть.

У него, анафемы, сало там еще осталось или мясо какое-то... ворчал солдат, сидя на земле против меня и потирая руками желудок.

Наверное, потому хлеб имел запах мяса... Да и хлеб, наверно, остался, сказал студент и тихонько добавил: Если бы не револьвер...

Кто он такой?

Видно, наш брат Исакий...

Собака! решил солдат.

Мы сидели тесной группой, посматривая туда, где сидел наш благодетель с револьвером. Оттуда до нас не доносилось ни звука, ни признака жизни. Ночь собирала вокруг свои темные силы. Мертвенно-тихо было в степи, мы слышали дыхание друг друга. Иногда где-то раздавался меланхолический свист суслика... Звезды, живые цветы неба, горели над нами... Мы хотели есть. С гордостью говорю я был не хуже и не лучше моих случайных товарищей в эту несколько странную ночь. Я предложил им встать и идти на этого человека. Не нужно трогать его, но мы съедим все, что найдем. Он будет стрелять, пускай! Из троих попадет только в одного, если попадет; а если и попадет, так едва ли револьверная пуля убьет насмерть.

Идем! сказал солдат, вскочив на ноги.
Студент поднялся медленнее его.
И мы пошли, почти побежали. Студент держался сзади нас.
Товарищ! укоризненно крикнул ему солдат.
Навстречу нам несло глухое бормотанье и резкий звук щелкающего курка.
Вот сверкнул огонь, раздался сухой звук выстрела.
Мимо! радостно крикнул солдат, одним прыжком достигая человека. Ну, дьявол, я ж тебе теперь задам...
Студент бросился к котомке.
А дьявол упал с колен на спину и, разметав руки, хрипел...
Что за черт! изумился солдат, уже поднявший ногу, чтобы дать пинка этому человеку. Неужто он в себя ахнул? Ты! Что ты? Эй! Застрелился, что ли?
И мясо, и какие-то лепешки, и хлеб... много, братцы! раздался ликующий голос студента.
Ну, черт с тобой, издыхай... Едим! крикнул солдат. Я вынул револьвер из руки человека, который уже перестал хрипеть и лежал теперь неподвижно. В барабане был еще один патрон.
Мы снова ели, ели молча. Человек лежал и тоже молчал, не двигая ни одним членом. Мы не обращали на него внимания.
Неужто, братцы родные, вы это только из-за хлеба? вдруг раздался хриплый и дрожащий голос.
Мы все вздрогнули. Студент даже поперхнулся и, согнувшись к земле, стал кашлять.
Солдат, прожевав кусок, начал ругаться.
Собачья ты душа, чтоб те треснуть, как сухой колоде! Шкуру, что ли, мы с тебя сдерем? На кой она нам нужна? Дурье твоё рыло, поганый дух! На-ко! вооружился и палит в людей! Анафема ты...
Он ругался и ел, отчего ругань его теряла выразительность и силу...
Погоди, вот мы поедим, так рассчитаемся с тобой, зловеще пообещал студент.
Тогда в тишине ночи раздались воющие рыдания, испугавшие нас.
Братцы... разве я знал? Стрелял... потому что боюсь. Иду из Нового Афона... в Смоленскую губернию... господи! Лихорадка смаяла... как солнце зайдет беда моя! От лихорадки и с Афона ушел... столярил там... столяр я... Дома жена... две девочки... три года четвертый не видал их... братцы! Всё ешьте...
Съедим, не проси, сказал студент.
Господи боже! кабы я знал, что вы мирные, хорошие люди... разве бы я стал стрелять? А тут, братцы, степь, ночь... виноват я?
Он говорил и плакал, вернее издавал дрожащий, пугливый вой.
Вот скулит! презрительно сказал солдат.

У него должны быть деньги с собой, заявил студент.

Солдат прищурил глаза, посмотрел на него и усмехнулся.

А ты догадливый... Вот что, давайте-ка костер запалим, да и спать...

А он? осведомился студент.

А черт с ним! Жарить нам его, что ли?

Следовало бы, сказал студент, качнув своей острой головой.

Мы сходили за набранными нами материалами, которые бросили там, где остановил нас столяр своим окриком, принесли их и скоро сидели вокруг костра. Он тихо теплился в безветренную ночь, освещая маленькое пространство, занятое нами. Нас клонило ко сну, хотя мы все-таки могли бы еще раз поужинать.

Братцы! окликнул столяр. Он лежал в трех шагах от нас, и порой мне казалось, что он что-то шепчет.

Да? сказал солдат.

Можно мне к вам... к огню? Смерть моя приходит... кости ломит!.. Господи! не дойду я, видно, домой-то...

Ползи сюда, разрешил студент.

Столяр медленно, точно боясь потерять руку или ногу, подвинулся по земле к костру. Это был высокий, страшно исхудавший человек; все на нем как-то болталось, большие, мутные глаза отражали сведавшую его боль.

Искривленное лицо было костляво и даже при освещении костра имело какой-то желтовато-землистый мертвенный цвет. Он весь дрожал, возбуждая презрительную жалость. Протянув к огню длинные, худые руки, он потирал костлявые пальцы, суставы их гнулись вяло, медленно. В конце концов на него было противно смотреть.

Что же ты это в таком виде пешком идешь? скуп, что-ли? угрюмо спросил солдат.

Посоветовали мне... не езд, говорят, по воде... а иди Крымом, воздух, говорят.

А я вот не могу идти... помираю, братцы! Помру один в степи... птицы расклюют, и не узнает никто... Жена... дочки будут ждать написал я им... а мои кости дожди будут степные мыть... Господи, господи!

Он завыл тоскливым воем раненого волка.

О, дьявол! взбесился солдат, вскочив на ноги. Чего ты скулишь? Что ты не даешь покоя людям? Издыхаешь? Ну, издыхай, да молчи...

Ляжемте спать, сказал я. А ты, коли хочешь быть у огня, так не вой, в самом деле...

Слышал? свирепо сказал солдат. Ну, и понимай. Ты думаешь, мы возиться с тобой будем за то, что ты в нас хлебом швырял да пули пускал? Кислый черт! Другие бы, тьфу!..

Солдат замолчал и вытянулся на земле.

Студент уже лежал. Я тоже лег. Напуганный столяр съежился в комок и, подвинувшись к огню, молча стал смотреть на него. Я слышал, как стучали его зубы. Студент лег слева и, кажется, сразу заснул, свернувшись в комок. Солдат, заложив руки под голову, смотрел в небо.

Экая ночь, а? Звезд сколько... обратился он ко мне. Небо-то одеяло, а не небо. Люблю я, друг, эту бродяжную жизнь. Оно и холодно и голодно, но свободно уж очень... Нет над тобой никакого начальства... Хотя голову себе откуси никто тебе слова не скажет. Наголодался я за эти дни, налил... а вот теперь лежу, смотрю в небо... Звезды мигают мне: ничего, Лакутин, ходи, знай, по земле и никому не поддавайся... И на сердце хорошо... А ты, как тебя? эй, столяр! Ты не сердись на меня и ничего не бойся... Что мы хлеб твой съели, это ничего: у тебя был хлеб, а у нас не было, мы твой и съели... А ты, дикий человек, пули пускаешь... Неужто ты не понимаешь, что пулей вред человеку можно сделать? Очень я на тебя давеча рассердился, и, ежели бы ты не упал, вздул бы я тебя, брат, за твою дерзость. А насчет хлеба дойдешь ты завтра до Перекопа и купишь там, деньги у тебя есть, конечно... Давно ты схватил лихорадку-то?

Долго еще в моих ушах гудел бас солдата и дрожащий голос больного столяра. Ночь темная, почти черная спускалась все ниже на землю, и в грудь лился свежий, сочный воздух.

От костра исходил ровный свет и живительное тепло... Глаза слипались. Вставай! Живо! Идем!

Я с испугом открыл глаза и быстро вскочил на ноги, чему помог солдат, сильно дернув меня с земли за руку.

Ну, живо! Шагай!

Лицо у него было сурово и тревожно. Я оглянулся вокруг. Всходило солнце, уже розовый луч его лежал на неподвижном, синем лице столяра. Рот у него был открыт, глаза далеко вышли из впадин и смотрели стеклянным взглядом, выражая ужас. Одежда на его груди вся изорвана, он лежал в неестественно изломанной позе. Студента не было.

Ну, загляделся! Иди, говорю! внушительно сказал солдат, таща меня за руку. Он умер? спросил я, вздрагивая от утренней свежести.

Конечно. И тебя удушить, так ты умрешь, объяснил солдат.

Его студент? воскликнул я.

Ну, а кто же? Ты, может? А то я? Вот те и ученый... Ловко управился с человеком... и товарищей своих в рюху всадил. Знай я это, я бы вчера этого студента убил. Убил бы с одного разу. Трах его кулаком в висок... и нет на свете одного мерзавца! Ведь что он сделал, ты понимаешь? Теперь мы должны

так идти, чтобы ни один глаз человеческий не видал нас в степи. Понял? Потому столяра сегодня найдут и увидят удушен и ограблен. И будут смотреть за нашим братом... откуда идешь, где ночевал? Хотя при нас с тобой и нет ничего... а револьвер-то его у меня за пазухой! Штука!

Ты его брось, посоветовал я солдату.

Бросить? задумчиво сказал он. Вещь-то ценная... А может, нас и не словят еще?... Нет, я не брошу... кто знает, что у столяра оружие было? Не брошу... Он рубля три стоит. Пуля в нем есть... эхма! Как бы эту я самую пулю милому товарищу нашему в ухо выпустил! Сколько он, собака, денег огреб, а?

Анафема!

Вот те и дочки столяровы... сказал я.

Дочки? Какие? А, у этого. Ну, они вырастут, замуж-то не за нас выйдут, об них и разговору нет... Идем, брат, скорее... Куда нам идти?

Я не знаю... Все равно.

И я не знаю, и знаю, что все равно. Идем вправо: там должно море быть.

Мы пошли вправо.

Я обернулся назад. Далеко от нас в степи возвышался темный бугорок, а над ним сияло солнце.

Смотришь, не воскрес ли? Не бойся, догонять нас не встанет... Ученый-то, видно, со сноровкой парень, основательно управился... Ну, и товарищ! Здорово он нас всадил! Эх, брат! Портятся люди, из года в год все больше портятся! печально сказал солдат.

Степь, безмолвная и пустынная, вся залитая ярким солнцем утра, разворачивалась вокруг нас, сливаясь на горизонте с небом, таким ясным, ласковым и щедрым светом, что всякое черное и несправедливое дело казалось невозможным среди великого простора этой свободной равнины, покрытой голубым куполом небес.

А жрать-то хочется, брат! сказал мой товарищ, свертывая папироску.

Чего мы сегодня поедим, и где, и как?

Задача!

На этом рассказчик мой сосед по больничной койке кончил свою повесть, сказав мне:

Вот и все. Я очень подружился с этим солдатом, мы с ним вместе дошли до Карсской области. Это был добрый и опытный малый, типичный бродяга. Я уважал его. До самой Малой Азии шли мы вместе, а там потеряли друг друга... Вы вспоминаете иногда о столяре? спросил я.

Как видите или как слышали...

И... ничего?

Он засмеялся.

А что я должен чувствовать при этом? Я не виноват в том, что с ним

случилось, как вы не виноваты в том, что случилось со мной... И никто ни в чем не виноват, ибо все мы одинаково скоты.